

софского наследия Декарта в философии нового и новейшего времени. Согласно О.Монжену, имеющиеся интерпретации философии Декарта можно свести к двум основным тенденциям: рационалистической и иррационалистической и антирационалистической, что наглядно демонстрирует конфликт между так называемыми «старыми» и «новыми» философами. По мнению философов, которых Монжен называет «старыми» (имея в виду, в частности, Ревеля или Кассирера), Декарт был недостаточно последователен в своем рационализме: Он не сумел глубоко и полно оценить достижения науки своего времени и, сосредоточив внимание на обсуждении проблемы первопричины, совершил возврат к метафизике и схоластике. С точки зрения «новых» философов — таких как Хайдеггер, Леви-Строс, Деррида — Декарт не является рационалистом в чистом виде. Картезианское *cogito* — свидетельство кризиса рационального познания, открывающее тенденцию нерационального осмысления мира.

Доклад академика **А.Т.Фоменко** «Декарт в истории математики» был посвящен основным открытиям французского ученого в области данной науки. Декарт впервые предложил рассматривать алгебру в качестве всеобщей математики, разработал принцип описания геометрических и физических объектов средствами алгебры, ввел в употребление понятие «декартово пространство», обладающее множеством параметров. Докладчик рассмотрел глубокое и всестороннее влияние концепции Декарта на математическую науку последующего периода (Гаусс, Лагранж, Риман, Пуанкаре).

В докладе **А.В.Брушлинского** «Декарт и психологическая наука в России XX века», говорилось о вкладе выдающегося мыслителя в мировую психологию и интерпретации его идей российскими исследователями. Декартом были сформулированы понятия *cogito*, психики, души, врожденных идей, впервые в истории разработана схема рефлексорной дуги. Декарт отстаивал принцип дуализма мыслящей и протяженной субстанций, трактовал психику как форму ориентировочной деятельности, обращенную не на внешний мир, а на себя, то есть положил начало интроспекционизму в психологии. В начале XX в. мировая психологическая наука переживала кризис, связанный с неполнотой декартовско-локковского интроспекционизма в объяснении сознания. В трудах российских психологов, таких как Выготский, Бехтерев, Рубинштейн, были предприняты попытки синтезировать основные концепции психического, существовав-

шие в данный период: интроспекционизм, бихевиоризм, психологию духа, что способствовало формированию новой концепции психического.

В докладе **Н.В.Мотрошиловой** «Размежевание с Декартом в русской философии Серебряного века» было отмечено, что отношение российских философов к учению Декарта включает в себе парадокс: с одной стороны, формально декартоведение как специальное исследование в России было представлено немногочисленными работами, с другой стороны, полемика с Декартом была очень важна для таких выдающихся российских мыслителей, как В.С.Соловьев, И.А.Ильин, С.Л.Франк, Н.А.Бердяев и для многих других авторов. Российская философия конца XIX — начала XX вв. в целом принимает декартовский принцип сомнения как фундаментальную философскую процедуру. Тем не менее с точки зрения российских философов из факта осознания индивидом собственного «я» неправомерно делать вывод о существовании трансцендентального субъекта. Российская философия пытается преодолеть ограниченность западноевропейского, в частности декартовского, трансцендентализма на пути усиления онтологических акцентов. Российские авторы подвергли критике учение Декарта, интерпретируя его как односторонний и крайний рационализм. Они отвергали декартовский аналитизм и отдавали предпочтение синтезу, стремились противопоставить дуализму идею Всеединства мира. Для российских философов неприемлем Бог Декарта, являющийся, по их мнению, абстрактным дополнением к механицизму природы. Они противопоставляли картезианству учение о Богочеловечестве, принцип единства веры, познания и любви.

В докладе **А.Л.Доброхотова** «Кьеркегор как критик декартовского *cogito*» были сопоставлены концепции Декарта и Кьеркегора. Фундаментальное утверждение Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую» в последующей философии неоднократно подвергалось радикальной критике. Первая волна такой критики связана с фигурой Вико, отвергавшего дуализм Декарта как источник угрозы раскола единого мира на две параллельные субстанции: телесную и духовную. Вторая волна критики была связана с деятельностью философов экзистенциальной ориентации. Они настаивали на принципиальной несовместимости наличного бытия и экзистенции. Тем не менее объективно существует ряд положений, общих для учения Декарта и концепции Кьеркегора. Оба философа различными путями приходят к

идее, согласно которой экзистенция является неустранимым компонентом мышления. Они едины и в том, что временная и структурная длительность души есть идеальность, что акт чистой мысли соединяет нас с абсолютным бытием и отчуждает от мира феноменального.

Согласно **Маттиасу Шрамму**, выступившему с докладом «Трактат Декарта» «Страсти души и традиция», Декарт является основоположником принципиально новой теории аффектов. До Декарта аффекты квалифицировались лишь негативно — как источник человеческих пороков. Их обуздание вменялось в обязанность индивиду. Декарт же рассматривает аффекты в качестве составной части нервной деятельности человека. Аффекты не являются, с точки зрения Декарта, недостатком психической организации живых существ. Они — естественные порывы чувств, обеспечивающие упорядоченное функционирование человеческого тела, сбалансированное соотношение волевого и физического начал.

В докладе **В.Н.Катасонова** «Методизм и прозрения. О границах декартовского методизма» обсуждалась проблема границ декартовского методизма. Сначала это делалось на примере декартовской аналитической геометрии, которая далеко не всеми современниками принималась как подход, аутентично выражающий природу геометрии (главный противник — И.Ньютон). Затем в докладе обсуждался вопрос об имманентных «генетических» границах декартовского философского метода. Значение философского и научного наследия Декарта, по мнению докладчика, состоит в том, что благодаря Декарту новоевропейская мысль впервые во всей остроте поставила проблему методического познания и его границ.

В докладе **М.С.Козловой** «Дуализм Декарта: компромисс или принципиальная позиция?» была предпринята попытка осмыслить дуализм Декарта с позиций последующей философии. Концепция дуализма не была философской ошибкой. Декарт основательно и глубоко продумал ее. М.С.Козлова защищала мысль о том, что только дуализм позволяет философу открыть особую сферу трансцендентального (чистого, теоретического) мышления, принципиально отличающегося от мышления о предметах в их природно-натуральном ряду. Были прослежены тенденции дальнейшего развития идеи Декарта о двойственном (натуралистическом и критическом характере философствования (Декарт-Кант-Гуссерль)). Представив доклад в жанре «опыты современ-

ного прочтения Декарта» М.С.Козлова полемизировала с некоторыми философскими подходами к познанию, развиваемыми сегодня в отечественной и зарубежной литературе (социальная детерминация знания и др.).

В докладе **М.А.Гарнцева** «Проблема абсолютной свободы в философии Декарта» были рассмотрены некоторые аспекты теории творения вечных истин, впервые изложенные Декартом в 1630 г. в трех письмах Мерсенну. Отрицая самодостаточность фундаментальных принципов логики, математики и т.д., Декарт ставил их в полную зависимость от Бога, установившего эти законы так же, «как король устанавливает законы в своем королевстве». Усомнившись в эффективности «анalogии сущего» и делая акцент на понятии непостижимого и бесконечного божественного всемогущества, Декарт подчеркивал, что абсолютная божественная свобода есть отсутствие каких бы то ни было предпочтений, то есть абсолютное безразличие к созданию вечных истин и вообще чего бы то ни было. В отличие от схоластов, трактовавших возможность только как непротиворечивость, Декарт признавал закон непротиворечия лишь сотворенной вечной истиной и отказывался считать противоречие, как его понимает человеческий ум, единственным критерием возможного и невозможного. Он рассматривал акт творения как переход от сферы абсолютного пессимизма к сфере осуществленного, в которой особая роль отводилась *cogito*. Но переход от «неклассической» логики божественных всесовершенства и всеправдивости, от апофатике к катафатике не устранял исходного дуализма двух «систем отсчета». Признание этого дуализма позволяет по-новому взглянуть на некоторые основоположения философии Декарта, в частности на развивавшееся им онтологическое доказательство бытия Бога.

В докладе **В.В.Соколова** «Проблема религиозного и философского Бога в системе воззрений Декарта» был проведен анализ взглядов французского мыслителя на проблему абсолютного. Докладчик сделал вывод о двойственности картезианского понимания Бога. С одной стороны, Декарт развивает философскую концепцию Бога как безличного бесконечного и вневременного начала, креационистские функции которого были сведены к минимуму. С другой стороны, Декарт был вынужден придерживаться традиционного религиозно-мистического представления о Боге как всемогущей, всеведущей, всесовершенной силе.

Выступление **Т.Б.Другач** было посвящено проблеме взаимоотношения мышления и сознания в философии Рене Декарта. Французский философ предъявляет ряд требований, которым должна удовлетворять новоевропейская трактовка субъекта. В отличие от прежнего «средневекового субъекта» он должен опираться на самого себя, на собственный ум и здравый смысл, а не на традицию, обычай, авторитет. Речь идет о замене авторитарного средневекового разума новоевропейским. Декарт почти не использует термин «сознание», однако в данном случае он уместен. Без взаимодействия сознания и мышления, без расщепления разума на мышление и сознание не может происходить развитие самого мышления.

В докладе **Е.В.Ознобкиной** «Анализ трактата Декарта “Описание человеческого тела”» было осуществлено рассмотрение данной работы с метафизических позиций. С точки зрения доклада, картезианский проект *cogito* не был реализован философом в полной мере. У Декарта скорее главенствует проект «интуиции универсального присутствия». Этот проект отличает стремление выявить некое равноустойчивое присутствие индивида в мире, что позволило бы в метафизическом плане располагать своим «я» и научиться технике распоряжения своим телом в антропологическом плане — путем познания себя как вещи.

В докладе **В.П.Визгина** «Декарт: ясен до безумия?» была проанализирована проблема связи понятий ясности и безумия в контексте философской концепции Декарта. Декарт описывает три состояния иррациональности: безумие, грезы, заблуждение. Недостовверное знание должно быть подвергнуто процедуре метафизического сомнения и на основе этого подтверждено или опровергнуто. В истории философии сложилось мнение о Декарте как о радикальном рационалисте, исключаящем иррациональное из сферы знания. Между тем подход Декарта к проблеме ясности более глубок. Так философ вводит в свою концепцию фигуру «злого гения», безумного в экзистенциальном плане. Сила *cogito*, согласно учению Декарта, превосходит абсолют и проявляет себя в процессе пересечения очевидности и веры.

Доклады, представленные на конференции, вызвали живой интерес присутствующих. К слову сказать, Красный зал Института философии РАН был заполнен заинтересованной и взыскательной публикой. После каждого доклада завязывались острые дискуссии. Основные темы дискуссий были связаны, во-первых, с попытками актуализировать наследие Декарта, вписать его в сегодняшние процессы научного и философского позна-

ния, развития общества, культуры, становления личности, во-вторых, с трудной и настоятельно необходимой историко-философской работой, направленной на уточнение роли великого Декарта в развитии человеческой мысли. Соотношению картезианства с традициями отечественного философствования было уделено особое внимание.

Знаменателен факт преемственности в российской культуре: 300-летие со дня рождения Декарта отмечалось осенью 1896 года в Московском университете. Нынешний, 400-летний юбилей был достойно отмечен в обстановке полной свободы мысли и дискуссий.

О.И. Мачульская

*Пьер Морель**

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОТКРЫТИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 400-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РЕНЕ ДЕКАРТА**

Я очень счастлив и горд от того, что мне предоставлена возможность выступить на открытии международной конференции, посвященной Рене Декарту. Эта конференция, знаменующая 400-летний юбилей Декарта, который родился 31 марта 1596 г., и проходящая почти в день его рождения, представляет собой нечто более значительное, чем просто чествование.

Я не являюсь специалистом в данной области. Тем не менее я хотел бы сослаться на проводившийся в Лицее дю Парк под руководством Жана Лакруа «Год Декарта». Этот давний опыт побуждает меня поддержать подобную инициативу. Я хочу поздравить организаторов конференции господина Степина и госпожу Мотрошилову.

Я хотел бы также поприветствовать французских участников конференции: профессора Поля Рикера, который уже неоднократно приезжал в Россию для того, чтобы познакомить студентов со своими идеями о будущем демократии, и господина Оливье Монжена, директора Издательства «Эспри», которое благодаря дружбе Бердяева и Мунье с самого начала было ориентировано на связь с Россией.

Перед лицом этой квалифицированной и представительной аудитории мне хотелось бы также сказать, что сегодня нам не

* Посол Франции в России в 1993-1996 гг.

хватает еще одного философа — Мераба Константиновича Мамардашвили, отводившего философии Декарта центральное место при построении своей собственной концепции. Я не имею возможности излагать сейчас его учение. Я просто хочу напомнить, что он вполне определенно исходил в своей теории из того, что он назвал «когитальным актом и когитальным аппаратом». Этот философ, обращавшийся на античный манер к устным рассуждениям, после своей преждевременной кончины вновь обрел жизнь благодаря публикации его работ. Этот человек, избравший «жизнь под знаком картезианства», дал новый импульс взаимосвязи французской и русской культуры с трагической легкостью истинного грузина.

Мераб, с которым мне посчастливилось лично встретиться двадцать лет назад, придавал решающее значение фундаментальному порыву мыслящего субъекта, стремящегося совершить переход от личного опыта к гармоничному мышлению.

Не мне говорить о важной роли такого подхода в жизни сегодняшней России. Несомненно, это станет предметом Вашего обсуждения, которому я желаю плодотворности.

Мне хочется лишь добавить, что эта международная конференция чрезвычайно актуальна и для французских специалистов, занимающихся российской проблематикой и работающих совместно с учеными России. Необходимо отметить особую значимость предварительного максимально строгого анализа современной ситуации в России. Каковы наши результаты в данной области? В действительности за последние десять лет мы прошли два этапа: в начале — пять лет эйфории, затем — пять лет относительного разочарования. По моему мнению, этот последний этап завершается, и он должен подготовить следующую фазу — трудную, но необходимую, — которую я назвал бы рациональным постижением России такой, какая она есть на самом деле.

Мне хотелось бы распространить нашу дискуссию на Европу в целом, Европу в широком смысле слова.

Разве возможно не задуматься о тех условиях, в которых жил тот, кого Валери называл «наш интеллектуальный Ришелье»? Мы видим, что философ творил в Европе, разумеется, отличной от современной, однако также полной потрясений. Декарт не отворачивался от актуальных проблем своей эпохи. Напротив, он избрал деятельную позицию и создавал свою систему трактатов и рассуждений размышлений и принципов, вступая в

прямой и активный диалог с величайшими умами своего времени, с правителями государств.

Сегодня мы, как никогда, нуждаемся в интеллектуальном единении, опирающемся на *cogito* и мобилизующем энергию личности и укрепляющем ее решимость. В период окончания религиозных войн и завершения идеологического противостояния, в ситуации, в которой мир наводнен информацией, толкающей человечество в русло дезориентирующего эмпиризма, нам особенно необходима подобная декартовская устремленность, позволившая мыслителю идти впереди своей эпохи.

Мы пытаемся устранить опасность новых столкновений, возникающих на переломном этапе развития постиндустриального общества в условиях наметившихся конфликтов между теми объединениями, которые пришли на смену биполярной конфронтации Востока и Запада, идущей сегодня на убыль и имеющей несколько карикатурный характер, однако настолько вошедшей в привычку, что ее даже возводили в ранг принципа международных отношений.

Мы стремимся мобилизовать силы перед лицом новой угрозы, мы учимся регулировать невиданные кризисы, мы формируем новые правила общественной жизни. Однако при этом ощущается некоторое смятение и недостаток ориентиров, побуждающие человечество впадать в заблуждение и доверяться новым мифам. Было бы целесообразнее еще раз вернуться к предварительному анализу, который бы позволил нанести сокрушительный удар измышлениям последнего десятилетия на всем континенте во имя созидания современных механизмов, способных обуздать насилие и предложить новые правила поведения, сосуществования и взаимодействия.

Мне кажется, что будет чрезвычайно своевременно, символично и дальновидно поставить этот вопрос сегодня в Москве, и я убежден в том, что Вы находитесь на правильном пути.

Перевод выполнен *О.И.Мачульской*

Поль Рикер

КРИЗИС COGITO

Принято считать, что картезианское cogito открывает эпоху современной субъективности, потому что именно благодаря cogito «я» впервые была отведена роль **основания**, то есть **решающего** условия возможности философствования. В связи с этим встает вопрос о том, не рождается ли **кризис cogito**, о котором, опираясь на различные философские принципы, будут говорить Юм, Ницше и Хайдеггер одновременно с самой постановкой проблемы cogito.

Опираясь на три первых «Размышления» Декарта, я ставлю задачей обосновать два следующих утверждения. В начале мне хотелось бы отметить, что возведение принципа «**cogito ergo sum**» в ранг исходной истины положило начало радикальному разрыву в философии. Затем мне хотелось бы показать, насколько cogito в том виде, в каком оно было исторически сформулировано Декартом, на самом деле далеко от непомерных амбиций, которыми наделяла его последующая философская традиция. «Размышления» Декарта или — если воспроизвести полное название трактата, что будет уместно в данном случае — «Размышления о Первой Философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом» — действительно неординарное сочинение, поскольку для того, чтобы **начать** философствовать, следует со всей уверенностью заявить о существовании «я» в качестве исходной истины, однако